

A woman with blonde hair, wearing a black dress, stands in a gondola on a canal. The canal is flanked by historic European buildings. In the background, a stone bridge crosses the canal, and a church with a green dome is visible. The scene is set in a picturesque town with mountains in the distance.

Петр Сойфер

Хроники Dignitas

Петр Сойфер

Хроники Dignitas

<https://litres.ru/74052344>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, древний Харон перевозил мёртвых через реку, не задавая вопросов. Марта Келлер делает то же самое — только в Цюрихе, с юридическими протоколами вместо весла и папками с номерами вместо монет.

Одиннадцать лет она провожает Гостей до последней черты. Медиапродюсер, потерявший себя за собственным брендом. Жена дипломата, сжёгшая свои тетради ради чужих приёмов. Хирург, управлявший людьми как марионетками. Режиссёр, не снявший ни одного кадра о жизни. Блогер с четырьмя миллионами подписчиков, которую никто не знал настоящую.

Каждый из них на пороге обретал то, чего не было в жизни. Марта забирала это с собой — и молчала.

Но Харон, который слишком долго слушает исповеди, однажды понимает, что и его лодка давно стоит на мели.

Петр Сойфер

Хроники Dignitas

ХРОНИКИ DIGNITAS

Роман

Доктор Пётр Сойфер

От автора

Организация Dignitas существует в Швейцарии с 1998 года. Её офис расположен в Пфеффиконе — небольшом городке в кантоне Цюрих, в нескольких километрах от берега Цюрихского озера. Здесь, где альпийские предгорья мягко сходят к воде, а осенний туман подолгу стоит в долинах между склонами, швейцарское государство разрешило то, что большинство стран мира по-прежнему считает невозможным: достойный, добровольный и юридически защищённый уход из жизни.

Весной луга вокруг становятся густо-зелёными — почти неправдоподобно, как на открытке. Цюрихское озеро меняет цвет по три раза на дню: стальное на рассвете, бирюзовое в полдень, золотое на закате. Горы на горизонте в ясную пого-

ду кажутся нарисованными — слишком чёткими, слишком совершенными. По набережной ходят яхты, в кафе пьют кофе, смеются дети.

В нескольких кварталах от этой живой и равнодушной красоты стоит неприметное здание с чистыми окнами и ухоженным палисадником. Здесь не бывает очередей и вывесок. Сюда не приезжают случайно.

Протоколы, описанные в этой книге, воспроизведены с документальной точностью: двойная независимая врачебная экспертиза, юридическая видеофиксация, принцип субъектности последнего действия — право человека самостоятельно совершить финальный жест. За окном комнаты перехода в эти минуты всё так же блестит озеро, всё так же стоят горы, всё так же кто-то смеётся на набережной.

Всё остальное — вымысел.

Кристиан, Элен, Ханс, Конрад, Кристина, Марта, Лукас — персонажи, рождённые авторским воображением. Их диагнозы, биографии, исповеди и смерти не имеют отношения ни к одному из реальных посетителей организации. Любое совпадение с именами, обстоятельствами или судьбами живых или умерших людей случайно.

Эта книга — попытка заглянуть под маски современного благополучия туда, где заканчиваются все объяснения и остаётся только один вопрос: чем была заполнена эта жизнь?

Прах тех, кто выбрал этот путь, по желанию близких развеивают над озером или хоронят в капсулах на местных

кладбищах. В той же земле. Под тем же небом. Рядом с теми же горами.

Озеро не меняет своего цвета.

Доктор Пётр Сойфер

Пролог. Папка № 408

Марта Келлер приходила на работу в семь пятнадцать. Не в семь, не в половину восьмого — в семь пятнадцать, как приходила последние одиннадцать лет. Она оставляла зонт в подставке у входа — строго вертикально, сложенным, — вешала пальто на третий крючок слева и мыла руки ровно тридцать секунд. Таймер она не включала. Он был уже не нужен.

Кабинет встречал её так же, как она его оставила накануне: ни единой лишней бумаги на столе, три остро заточенных карандаша в стакане, монитор повёрнут под углом девяносто градусов к окну. На подоконнике стоял небольшой суккулент в белом керамическом горшке — единственное живое существо в комнате. Марта поливала его по вторникам и пятницам, строго по одной мерной ложке. Растение не цвело. Марта не ждала от него этого.

Она садилась, выравнивала клавиатуру параллельно краю стола, открывала ежедневник. Почерк в нём был мелким,

вертикальным, одинаковым на каждой странице — будто набранным на машинке. Никаких восклицательных знаков, никаких подчёркиваний. Только время, имя, номер папки.

За окном в эти утренние часы Цюрихское озеро было почти белым — молочный туман стоял над водой, пряча и горы, и противоположный берег. Потом туман рассеивался, и горы появлялись снова — чёткие, холодные, вечные. Марта давно перестала на них смотреть.

В семь тридцать она открывала сейф.

Папки стояли в нём корешками наружу, в хронологическом порядке, разделённые картонными разделителями. Синие — активные дела. Серые — завершённые. Серых было значительно больше. Марта никогда их не пересчитывала. Это не входило в протокол.

Она достала синюю папку. На белом ярлыке аккуратным шрифтом: № 408. Кристиан Вебер. 34 года.

Марта положила папку точно по центру стола. Открыла. Поверх медицинских документов лежало сопроводительное письмо на трёх страницах — Кристиан написал его сам, без юридического шаблона, что случалось нечасто. Марта отметила это без какой-либо оценки и взяла первый лист двумя пальцами за край, чтобы не оставить отпечатков.

В дверь постучали ровно в семь сорок пять.

— Войдите, — сказала Марта, не поднимая глаз.

На пороге стоял Лукас в сером кардигане. Компаньонам не полагалось белых халатов. Он остановился у двери, оки-

нул взглядом стол, папку, прямую спину Марты.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе, — ответила Марта. — Гость прибывает в отель в шестнадцать ноль-ноль. Завтра в десять утра он будет здесь. Видеооборудование проверено, протокол независимой экспертизы закрыт ещё в пятницу. — Она перевернула страницу. — Он просит, чтобы во время процесса играл определённый музыкальный трек. И чтобы в комнате не было лаванды. Аллергия.

— Я читал, — Лукас вошёл, сел напротив, положил руки на колени. — Марта, он очень напуган. Это слышно даже в письме.

— Все напуганы, — сказала Марта. — Это нормальная реакция. Протокол учитывает это.

Лукас помолчал, глядя на неё. За окном туман над озером начинал редеть, и сквозь белую пелену проступали первые размытые контуры гор.

— Ты читала его письмо? — спросил он наконец. — Не как документ. Просто — читала?

Марта закрыла папку. Выровняла её параллельно краю стола.

— Я прочитала его трижды, — сказала она. — Все данные внесены в логистическую карту. Если хочешь обсудить психологический профиль Гостя, у нас есть время до четырёх.

Лукас смотрел на неё несколько секунд — так смотрят на закрытое окно, за которым что-то происходит. Потом встал.

Его руки, когда он поднимался, были чуть напряжены, пальцы слегка сжаты — этот человек носил в теле то, что другие запирали в сейф. Он нёс это открыто, как несут тяжёлое, намеренно не ставя на землю.

У двери он остановился и, не оборачиваясь, тихо сказал: — Когда-нибудь ты дочитаешь чьё-нибудь письмо до конца, Марта. Не как документ.

В его голосе не было упрёка — только усталая, почти нежная настойчивость человека, который слишком хорошо знает цену словам, сказанным перед концом. Марта это слышала. Она умела слышать. Просто в протоколе для этого не было графы.

Она открыла ежедневник и внесла отметку: 08:47. Инструктаж Компаньона. Выполнено.

За окном окончательно разошёлся туман. Горы встали на своих местах — чёткие, холодные, вечные. Озеро внизу блестело на осеннем солнце, по набережной шли люди с кофе, смеялся ребёнок, причаливал прогулочный катер.

Марта задёрнула жалюзи наполовину.

Открыла папку № 408 на второй странице и продолжила работу.

Папка № 408. «Проект "Финал"»

Гость Кристиан Вебер, 34 года

1. Досье

Марта открыла папку № 408 в третий раз за утро — теперь уже не для проверки, а для финальной сверки перед выездом. Медицинские сканы головного мозга она изучила ещё в пятницу: височные доли на снимках МРТ светились тёмными пустотами — аккуратными и безжалостными, как архивные штампы. Три независимых заключения нейрологов совпадали в формулировке до слова: «агрессивная генетическая форма с ранним началом, необратимый прогрессирующий характер». Четвёртый документ был личным — два листа мелкого убористого текста, написанного от руки с нажимом человека, привыкшего к тому, что его слова имеют вес.

Кристиан Вебер. Тридцать четыре года. Медиапродюсер, урбанист, основатель консалтингового агентства с офисами в Берлине, Лондоне и Дубае. Человек, который зарабатывал на том, что упаковывал чужие смыслы в красивые оболочки и продавал их корпорациям как образ будущего.

Марта закрыла папку, убрала её в кожаную рабочую сумку и надела пальто. Застегнула пуговицы сверху вниз, в том же порядке, что и всегда. Взяла зонт.

В дверях она столкнулась с Лукасом — он стоял в коридоре уже в куртке, с шарфом, намотанным чуть небрежнее, чем следовало. На его лице было выражение сосредоточенной внутренней собранности, которое Марта научилась распознавать за годы совместной работы: он уже был там, в президентском люксе, уже думал о Кристиане, уже нёс его.

— Готова? — спросил Лукас.

— Машина у входа через восемь минут, — ответила Марта.

Они вышли в цюрихский октябрь.

2. Встреча в отеле

Президентский люкс на седьмом этаже отеля «Баур о Лак» Кристиан Вебер снял на четыре дня — хотя нужен был ему от силы один. Марта отметила это, пока портье вёл их к лифту. Четыре дня президентского люкса стоили столько, что хватило бы на полгода аренды обычной квартиры. Но люди с папкой № 408 редко думали о деньгах в единицах практической целесообразности. Деньги к этому моменту превращались в декорацию — последний, самый дорогой из выставленных фасадов.

Дверь открылась прежде, чем Марта успела постучать.

Кристиан Вебер стоял в проёме в безупречном тёмно-синем костюме, с расстёгнутой верхней пуговицей рубашки — ровно настолько, чтобы это выглядело намеренной небрежностью. Высокий, хорошо сложенный, с той породистостью людей, которые следили за собой всю жизнь не из тщеславия, а из профессиональной необходимости. Его лицо сразу сложилось в улыбку — широкую, отрепетированную, чуть опережающую момент.

— Марта Келлер и Лукас, если не ошибаюсь, — сказал он, шагнув в сторону. — Прошу. Я распорядился насчёт кофе.

Марта вошла и остановилась.

Номер был переставлен. Кресла сдвинуты к стенам, журнальный столик убран в угол. По центру гостиной на профессиональном штативе стояла кинокамера с накамерным светом. Рядом, на высоком стуле, сидел молодой человек в чёрной футболке и смотрел в монитор ноутбука на коленях. У окна — второй штатив с рефлектором, направленным на кресло у камина. На столе светились два смартфона — экранами вверх, вибрируя с короткими промежутками.

Студийный свет. Выверенная мизансцена. Кресло у камина было уже отрежиссировано — угол падения света, расстояние до объектива, фон в виде панорамного окна с видом на озеро.

— Это Феликс, — сказал Кристиан, кивнув на молодого человека. — Мой оператор и старый друг. Будет фиксировать верификацию и сам... финал. Для архива. — Он произнёс последнее слово легко, как говорят о вещи решённой. — Я планирую сделать из этого художественное высказывание. Завещание аудитории.

— Господин Вебер, — сказала Марта, — юридическая верификация проводится без посторонних. Ваш оператор должен выйти.

Кристиан чуть сощурился — секундная пауза, едва заметная. Потом улыбнулся снова.

— Разумеется. Феликс, подожди в коридоре.

Когда дверь за оператором закрылась, Марта раскрыла

сумку, достала папку и положила её на край стола — привычно, без лишних движений. В этой скупой точности жестов было что-то, что на секунду сбило ритм Кристиана. Он смотрел на неё так, словно ожидал другого — сочувствия, может быть, или хотя бы паузы.

Лукас тем временем тихо придвинул стул и сел чуть в стороне — не напротив Кристиана, а наискосок, словно случайно оказавшись рядом. Блокнота не открывал, ручки не доставал. Просто сидел, и его присутствие в комнате было тёплым и негромким — как присутствие человека, который никуда не торопится и ничего не требует.

Кристиан устроился в кресле у камина и закинул ногу на ногу. Его левый туфель оказался на виду, и Марта, не меняя выражения лица, отметила: шнурок завязан двойным детским узлом, петли неровные, один конец значительно длиннее другого. Мелкая моторика. Первые симптомы давали о себе знать раньше, чем человек был готов это признать.

— Итак, — сказал Кристиан с лёгкой улыбкой, — приступим к формальностям?

— Да, — сказала Марта и открыла папку.

3. Исповедь

Верификация шла по протоколу — чётко, методично. Марта задавала вопросы ровным голосом, Кристиан отвечал охотно, временами с иронией, временами с той медийной интонацией человека, привыкшего держать аудиторию. Он

был хорош. Он знал, как звучать убедительно.

До двадцать третьего вопроса.

— Опишите, пожалуйста, как вы добрались до отеля от аэропорта, — произнесла Марта. Стандартный вопрос на пространственную ориентацию, внешне звучащий как светская беседа.

В комнате стало тихо.

Кристиан улыбнулся — но улыбка на долю секунды запоздала, словно сигнал прошёл по чуть более длинному маршруту, чем обычно.

— Такси от терминала... — он начал уверенно, но взгляд чуть сместился в сторону, зацепившись за окно, за воду, за что-то, чего в комнате не было. — Мы ехали по... — Пауза. Пальцы на подлокотнике начали выбивать короткую частую дробь. — Феликс знает маршрут. Он сидел рядом.

— Феликс приехал вместе с вами? — уточнила Марта.

— Да. То есть... — Кристиан коротко потёр висок. — Нет. Он прилетел раньше. Встретил меня. — Короткое усилие. — Я помню отель. Помню, как мы вошли. Промежуток между этим — иногда вот так.

Марта сделала отметку, не меняя выражения лица.

На смарт-часах Кристиана снова вспыхнул экран — уведомление о повышенном пульсе, второе за последние двадцать минут. Он не посмотрел на запястье. Уже знал, что там.

— Это давно? — тихо спросил Лукас.

— Пространственная ориентация нарушилась с весны, — сказал Кристиан. Голос остался ровным — как у человека, который давно отработал эту формулировку. — Сначала я начал теряться в собственном умном доме. Я продавал корпорациям концепции городов будущего, а сам не мог найти выход из спальни в три часа ночи. Потом лица. Встретил на улице партнёра, с которым работал восемь лет, — и не узнал его. Подождал, пока он сам заговорит. — Он усмехнулся. — Я решил, что это стресс. Что нужен отпуск.

— А депрессия? — спросил Лукас.

Кристиан посмотрел на него — прямо, без медийной улыбки.

— Депрессия была первой, — сказал он. — За два года до диагноза. Все думали — выгорание. Хороший психиатр в Берлине, хорошие таблетки, хороший коуч. — Пауза. — Потом генетический тест. Мой отец умер в сорок один. Я думал — сердце. Оказалось, нет. Мать не говорила. Она до сих пор не говорит.

В комнате стало очень тихо.

Марта сделала технический перерыв. Оператор вышел. Лукас молча подошёл к штативу с камерой и развернул объектив к стене. Потом нашёл выключатель накамерного света и щёлкнул им.

Профессиональный свет погас. Комната немедленно изменилась — стала меньше, обычнее, октябрьский серый день лёг на стены без прикрас.

Лукас придвинул стул вплотную к креслу Кристиана и сел — не напротив, а рядом, убирая дистанцию, которую нужно преодолеть взглядом.

— Феликс ушёл, — сказал он негромко. — Камера выключена. Никакого эфира.

Кристиан смотрел на тёмный объектив, развёрнутый к стене.

— Я знаю её фамилию, — сказал он вдруг. — Я просто... — Его рука поднялась ко лбу и снова опустилась. — Иногда оно вот так. Выключается. Посередине.

— Я знаю, — сказал Лукас.

— Это будет чаще, — сказал Кристиан. Не вопрос — констатация.

— Да, — сказал Лукас. — Чаще.

За окном озеро лежало в мягкой октябрьской дымке, катер шёл по воде, оставляя белый расходящийся след.

— Я всю жизнь упаковывал смыслы для других, — сказал Кристиан. Голос был ровным — только чуть тише обычного. — Я создал идеальный бренд самого себя. Знал, как выглядеть, как звучать, как входить в комнату. — Он посмотрел на свои руки. — А теперь смотрю внутрь и понимаю, что там ничего нет. Декорации. Я построил декорации, в которых некому жить. Когда мне поставили диагноз, Анна ушла через месяц. Сказала, что не готова. — Пауза. — Партнёры переписали доли, пока я был дееспособен юридически. Официально — реструктуризация. Я понимал, что происхо-

дит. Я сам научил их так делать. — Он усмехнулся — горько, почти без удивления. — Три миллиона подписчиков. И ни одного человека, которому можно позвонить в два часа ночи просто так. Не для контента.

Лукас молчал — не кивал, не подбадривал, не заполнял паузы. Просто был рядом.

— Я еду в Dignitas не потому что я свободный и сильный, — сказал Кристиан тише. — Я еду, потому что мне безумно страшно остаться один на один с этой пустотой, когда мозг уберёт последнее, что у меня есть. Память. Себя. — Он помолчал. — Финальный проект, художественное высказывание... — Он покачал головой. — Это просто ещё одни декорации. Последние.

Лукас наклонился чуть вперёд.

— Кристиан, — сказал он. — Вам не нужно продюсировать этот финал. Вы можете просто быть напуганным тридцатичетырёхлетним человеком, которого предали и которому больно. Этого достаточно. Больше ничего не нужно доказывать.

Кристиан долго смотрел на него. Потом его плечи медленно опустились — не сломались, а именно опустились, как опускают тяжёлое, которое несли слишком долго.

— Феликса не будет завтра, — сказал он.

— Это ваше решение, — сказал Лукас.

— Нет, — сказал Кристиан. — Это уже не вопрос.

Марта, не поднимая глаз от бланка, внесла отметку. Ру-

ка двигалась ровно, почерк не изменился. Но она слышала каждое слово. Она всегда слышала каждое слово. Просто в протоколе для этого не было графы.

4. Протокол исхода

Следующее утро. Стерильное, тихое здание клиники. Десять ноль-ноль — минута в минуту.

Кристиан приехал один. Без Феликса, без камеры, без штатива. На нём были простые тёмные брюки и тонкий серый свитер — одежда, в которой удобно, а не одежда, в которой хорошо выглядят. Марта отметила это, открывая дверь. Отметила и то, что он не улыбнулся при входе — просто кивнул, коротко и спокойно, как человек, пришедший по делу.

Комната перехода была небольшой и намеренно нейтральной — без медицинской стерильности операционной и без уютной театральности хосписа. Светлые стены, деревянный пол, два кресла и кушетка с чистым бельём. Окно выходило на запад, и в октябрьское утро через него был виден краешек озера и далёкий, чуть размытый дымкой силуэт гор. Лаванды в комнате не было — Марта проверила это накануне.

Из небольшой колонки тихо играл трек — тот, который Кристиан указал в письме.

Лукас стоял у окна, когда Кристиан вошёл, и обернулся без слов — просто посмотрел на него так, как смотрят на человека, которого ждали.

Марта установила камеру, проверила угол, включила запись. Красный огонёк замигал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.